

**ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТЬ КАК ЭЛЕМЕНТ ПОЭТИКИ В
РОМАНАХ В. ПЕЛЕВИНА «ЧАПАЕВ И ПУСТОТА» И «ОМОН РА»**

Имя Виктора Пелевина прочно вошло в список самых известных и читаемых авторов современности. Его произведения вызывают огромное количество откликов, рождая подчас самые противоречивые точки зрения даже среди известных критиков. Множество публикаций о «феномене Пелевина» заставляют внимательнее относиться к автору, доказывают актуальность и современность его произведений. Известность Пелевину принесла повесть «Омон Ра» (1992), в которой автор создает постмодернистскую пародийную версию популярного в советской литературе «романа воспитания», разрушает миф о героической советской космонавтике, обвиняет тоталитарный режим в спекуляции «светлым будущим»: *«единственным пространством, где летали звездолеты коммунистического будущего... было сознание советского человека»* [Пелевин 2003].

Роман «Чапаев и Пустота» (1996) сразу после публикации многие критики назвали лучшим романом года. Чапаев и Петька, герои анекдотов, предстают здесь в неожиданных ипостасях: Чапаев – командир дивизии и в то же время – мифологический герой, близкий богам, «умирающий-воскресающий»; Петр Пустота – поэт-декадент, монархист, по странному стечению обстоятельств занимающий место комиссара чапаевской дивизии, а в современной жизни – пациент психиатрической больницы. Названные произведения относятся к постмодернистской литературе, так как практически сотканы

цитат, аллюзий, реминисценций. Литературный постмодернизм называют «цитатной литературой», а интертекстуальность является основным элементом поэтики постмодернизма.

В контексте всего постмодернистского мировоззрения интертекстуальность рассматривается как единый механизм порождения текстов, выражающийся в наличии между ними связей, благодаря которым тексты (или их части) могут многими разнообразными способами явно (или неявно) ссылаться друг на друга. «Каждый текст является интертекстом; другие тексты присутствуют в нем на различных уровнях в более или менее узнаваемых формах: тексты предшествующей культуры и тексты окружающей культуры» [Ильин 1996].

В нашей работе под интертекстуальностью понимается «включение в текст либо целых других текстов с иным субъектом речи (стихов, писем, дневников), либо фрагментов чужих текстов в виде цитат, реминисценций и аллюзий» [Арнольд 1999].

В произведениях «Чапаев и Пустота» и «Омон Ра» Виктор Пелевин постоянно опирается на предшествующую и современную ему литературу, и шире – культуру, с которой он находится в непрерывном диалоге.

Важное значение для понимания пелевинского романа «Чапаев и Пустота» имеет цитатное заглавие, которое отсылает нас к тексту Д. Фурманова «Чапаев» и в то же время к анекдотам о Петьке и Василии Ивановиче и является аллюзией, потому что включение элемента «чужого» слова (*Чапаев*) в «свой» текст модифицирует семантику благодаря ассоциации, связанной с текстом-источником. Заголовок кодирует информацию о содержании романа, в котором совмещается две иллюзорных реальности, передающие душевное состояние и развитие главного героя на разных этапах его жизни.

Название другого произведения В. Пелевина, «Омон Ра», составляет сплав двух аллюзий на древнеегипетскую мифологию и социальную мифологию советского государства: Ра – это одно из имен древнего египетского божества, другое имя которого – Амон, кроме того, это омофон аббревиатуры «российская армия» (РА).

В случае аллюзии заимствование элементов происходит выборочно, а целое высказывание или строка претекста (или текста-донора), соотносимые с новым текстом, присутствуют в последнем как бы «за текстом» – только имплицитно. Показательный пример – аллюзии, ориентированные на цитаты из произведений А.С. Пушкина, Ф.М. Достоевского и т.д.: «*Мой дядя очень необычный человек*», «*милостивый государь, – услышал я его исполненный чувства голос, – милостивый государь, вы позволите задать вам вопрос?*». Аллюзии, которые представляют собой имена героев произведений, обладают повышенной узнаваемостью даже без упоминания имени их авторов: «*братья Кривомазовы*», «*Мармеладов*», «*полковник Урчагин*» и т.д.

В текстах в большом количестве присутствуют прямые цитаты: лозунги («*Алеб – наше богатство; Да здравствует первая годовщина революции*»);

крылатые слова и выражения (например, из романа Н.А. Островского: *жизни есть всегда место подвигу*); цитаты из поэтических текстов (например, из стихотворения М.Ю. Лермонтова «К портрету старого гусара»: *Там мхом покрытая бутылка вековая хранит струю кипучего вина*); цитаты из песен советских времен (например, марш «Белая армия, черный барон» П. Григорьева и С. Покрасса: *Белая армия, черный барон снова готовят нам царский трон...*, песня «Там вдали за рекой» на слова Н. Коля: *Это белая гвардейски-е цепи!* и т.д.); цитаты из детских песен (например, «Прекрасное далеко» Ю. Энтина и Е. Крылатова: *Прекрасное далеко, не будь ко мне жестоко, / Не будь ко мне жестоко, жестоко не будь...*, «Песенка Красной шапочки» Ю. Михайлова: *А-а, в Африке реки вот такой ширины... / А-а, в Африке горы вот такой вышины...*) и т.д.

Кроме этих включений, автор воспроизводит широко известные предикативные текстовые единицы с сохранением той предикации (описания некоторого положения вещей), которая установлена в тексте-источнике. При этом Пелевин часто пользуется приемом «дистраивания» или «замещения» компонентов. Ср., например, обыгрывание крылатых слов из произведений В. Шекспира: А. Тютчева: *«Жизнь – это театр ... в этом театре каждый день идет новая пьеса»; «Как говорится, умом Россию не понять – но и к сексуальному неврозу тоже не свести»* и т.д.

Виктор Пелевин органично вплетает в роман «Чапаев и Пустота» поэзию, собственную и чужую, используя постмодернистский прием палимпсеста – создание собственных текстов с активным использованием фрагментов чужих. Например, автор употребляет первые строки А.С. Пушкина из произведений «К Чаадаеву», «Пир во время чумы», Ф.С. Шкулева из песни «Мы кузнецы»: *«Но в нас горит еще желанье / К нему уходят поэзии / И мчится бабочка сознания / Из ниоткуда в никуда...»; «И мрачный год, в который пало столько / Отважных, добрых и прекрасных жертв, едва оставил память о себе / В какой-нибудь простой пастушьей песне, / Унылой и приятной»; «Мы кузнецы – и дух наш Молох, / Куем мы счастья ключи. / Вздымайся выше, наш тяжкий молот, / В стальную грудь сильнее стучи, стучи, стучи!»* и т.д.

Под реминисценцией понимается «несвятая, косвенная отсылка к другому тексту, напоминание о другом художественном произведении, факте культурной жизни» [ЛЭТиП 2001]. Механизм появления реминисценции в производимом тексте основан на том, что говорящий или пишущий вспоминает в процессе производства нового текста какую-то ситуацию, выражение из старого текста и в том или ином виде включает её в новый текст: *«Знаешь, дело коммунистической партии бороться обещал?»; «Как ваша фамилия? – Просто Мария», «Мария ... улыбнулась своей знаменитой глуповатой загадочной улыбкой»* (отсылка к «Моне Лизе Джоконде» Леонардо да Винчи), *«Божье мое, какие идиоты... Даже не идиоты – тени идиотов... Тени во мгле...»* и т.д.

В заключение подчеркнем, что насыщенность романов «Чапаев и Пустота», «Омон Ра» текстовыми включениями (цитатами, реминисценциями, аллюзиями) – принципиально важный прием художественного смыслообразования и одновременно апелляция к авторитетной, актуальной в глазах автора литературной традиции.